СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ 16 ИЮЛ 1988
г. Минск
СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

ТЕАТР

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Одно удовольствие бывать на утренних спектаклях республиканского ТЮЗа. Зрительный зал полон, актеры играют с увлечением, между сценой и залом царит полное взаимопонимание. Условия игры, предложенные театром, принимаются малышами мгновенно и безоговорочно. К примеру, скачет королевич Елисей на деревянной палочке с конской головой на конце, — маленькие зрители считают это вполне естественным. Они ведь сами именно на таких «скакунах» пускаются в путь.

Какая это благодарная публика! И как радостно играть для нее, когда понимаешь язык и душу ребенка. Тогда и совершается то чудо, которое может сотворить только театр: воображаемые герои оживают, и распахивается перед маленьким человеком мир, полный красоты и добра.

Так происходит на спектаклях по пушкинским сказкам, на «Кота в сапогах», «В сказочном домике». Навсегда в памяти остаются жить и когда-то увиденные на этой сцене Чиполлино, Буратино, Бамби. В этих спектаклях зритель видит интересных, владеющих секретами своей профессии, актеров как старшего поколения — Л. Тимофееву, Р. Маленченко, В. Лебедева, М. Петрова, Б. Ворисикина, Л. Горцеву, так и более молодого — А. Жука, Е. Доенер, В. Филатову, Г. Кухальскую, М. Лесютьева, В. Кавалерову и многих других. По отношению к маленьким зрителям Минский ТЮЗ оправдывает свое высокое назначение — воспитывать, развивать нравственное и эстетическое чувство у самых юных.

Сложнее складываются отношения театра с подростками. Диалог здесь затруднен, а порой и отсутствует. Иная, чем на утренниках, царит атмосфера на вечерних спектаклях. Начать с того, что мне, например, ни разу не удалось видеть, чтобы зрительный зал был полон. Даже когда, по свидетельству кассы, все билеты на спектакль проданы, треть, а то и половина мест пустовала.

Разгадать эту загадку помогла мне учительница, которая в один из вечеров «привела свой класс» на представление. Кавычки здесь поставлены не случайно. Монолог учительницы все объяснит:

— Нас заставляют водить детей в ТЮЗ. В гороно есть график посещения школами театра. Вот вчера завуч дала четырнадцать билетов и сказала, чтобы я их распространила в своем классе. Я спросила ребят, кто хочет пойти на спектакль. Они зашумели: «Опять ТЮЗ! Не хотим!» Уговоры не помогли. Пришлось взять список учеников, которые ходили в театр прошлый раз. Исключила их, остальным раздала билеты. Предупредила, что сама пойду с ними. А вечером из четырнадцати человек пришел один. Вот этот «класс» я и привела сегодня в театр.

Значит, тринадцать пустых мест принадлежали этому классу. А следующие пустые ряды — другим подобным «неблагодарным зрителям театра». Стало обидно и горько за театр, за актеров. Почему так сложилось: для малышей, школьников младших классов посещение ТЮЗа — праздник, а для подростков — случная обязанность? Может быть, те, кто все-таки пришел в театр, — из чувства ли долга, послушания или любопытства,— помогут найти ответ?

В этот вечер шел «Поединок» по пьесе Н. Матуковского. То, что происходило на сцене, вероятно, многим ребятам было знакомо. Кто из белорусских школьников не знает о подвиге мужественного оршанского подпольщика Константина Заслонова! Об этом давно написана пьеса другим драматургом, поставлен фильм, об этой легендарной судьбе не раз рассказывало Белорусское телевидение, писали газеты.

Все узнаваемо было на сцене: стоянка партизан, квартира подпольщика, фашистский застенок, сам облик патриотов, мужественных, уверенных в себе, и злобные, наглые лица оккупантов. Все, как в школьных прописях. Спектаклю не хватало свежего, неожиданного взгляда на знакомый материал, который сломал бы стереотип, заставил заработать зрительское воображение. Писатель показал драматизм биографии своего героя. Это давало возможность обострить поединок между Заслоновым и немецким офицером, показать нравственную высоту, идейную убежденность героя. Может быть, на премьерном спектакле так это и было. Но постепенно все упростилось, стало одномерным. Нынче в спектакле «Поединок» по сути и нет психологической дуэли двух идейных противников. Сцены с их участием приобрели черты плаката. А плакат, если он примелькался, перестает активно воздействовать. Это явление давно открыто социальной психологией.

И потому юные зрители не отзываются на то, что происходит на сцене. Артисты, пытаясь расшевелить зал, вызвать эмоциональный отклик, начинают невольно «перекрикивать», где-то самым магнитам пафос, а где-то перекладывая такие краски, в результате упрощая, огрубляя образы. Зрителям становится вовсе скучно. Во время одной из кульминационных сцен я услышала за спиной сдержанно приглушенный мальчишеский голос: «Эх, поспать бы!» И в ответ чей-то смех. Захотелось обернуться, одернуть, пристыдить. Но разве таким путем воспитаешь в мальчишке любовь к искусству? Оно само должно пробиться к нему, опалить, растревожить душу.

К сожалению, и на следующий вечер зал не был полон и не гремел овациями. Показывали «Как закалялась сталь», спектакль не новый, но еще «живой», во многом благодаря исполнителю главной роли А. Суцковеру. Инсценировка, сделанная А. Дударевым, не стала пьесой по роману Н. Островского. Она представляет собой цепь эпизодов книги, объединенных не сквозным действием, а лишь фигурой главного героя и современными зонгами (на сцене их исполняют под гитару несколько молодых актеров). Фрагменты подобраны так, что выпукло проступает главная идея романа—как закалялась сталь, как шли в революцию юные, защищали ее, потом строили новую жизнь. И все это должен выразить через свою судьбу главный герой (остальные персонажи эпизодичны).

Нагрузка на исполнителя Павки Корчагина огромна. Молодой артист А. Суцковер в целом справляется со своей задачей. Он играет искренне, эмоционально, показывает динамику души своего героя, постепенное социальное созревание. Моментами артисту удается захватить зрительный зал, в его слова вслушиваются, в его взволнованное лицо вглядываются. Но ненадолго. Подросткам, заполнившим зал, не хватает в этом спектакле внешней динамики, тугой сюжетной пружины, которая, раскручиваясь, увлекла бы неожиданными поворотами событий. Такой это возраст: он постигает душевные движения, идею, мысль лишь через действие, через поступок.

Один из таких экспериментов — спектакль «Операция «Дорогой мальчик» по пьесе С. Михалкова. Сюжет ее не сложен: банда американских гангстеров, охотясь за сыном миллионера, случайно крадет вместо него советского мальчика Жору. Потом в руках бандитов оказывается и Джордж, тот, ного они искали. Вся эта сюжетная путаница, обильно прослоенная политическими тирадами, заканчивается освобождением и дружбой мальчишек.

Театр не стал искать глубин, небанальных ходов, современных ассоциаций в содержании пьесы, все свое внимание он сосредоточил на форме спектакля — свете, цвете, ритмах, пластике. На сцене появились люди, одетые в яркие комбинезоны: желтые (продажная пресса), черные (гангстеры), черно-желто-фиолетовые (их пособники) и один, высокий и стройный, в снежно-белом костюме (советский консул). Все это задвигалось, заплясало в едином бодром ритме, напоминая урок аэробики. Только двое мальчишек, два юных героя спектакля, Жора (арт. В. Кавалерова) и Джордж (арт. Е. Шабад) выделяются своей естественной пластикой, живыми интонациями среди прочих людей - полуроботов. Представление получилось ярким, зрелищным, динамичным, насыщенным современными мелодиями и ритмами (постановщик В. Короткович, режиссер В. Новиков, художник Л. Герловин, композитор С. Бельтюков).

Так театр «перекинул мост» к своему юному зрителю, предложил подростком диалог на «их языке». И зал реагирует, где-то смеется, где-то аплодирует. В театре многие склонны считать «Дорогого мальчика» лучшей работой сезона. Хотя бы уже потому, что на эту постановку подростки идут охотнее, чем на другие.

А что остается в их душах и умах после спектакля? Чувство гнева против бесчеловечных нравов капитала? Ощущение опасности зла, и в наши дни еще сильного, агрессивного? Но в спектакле все это приглушено: враги прогресса здесь так смешны, глупы и трусливы, что кажутся совсем не опасными, а советский мальчик Жора — выпяченная стойкость и бесстрашия. Облегченность замысла спектакля, его схематизм и плакатность чувствуют сами юные зрители. Вот выдержки из протокола их обсуждения спектакля «Операция «Дорогой мальчик»: «Спектакль яркий, красочный. Подвижный». «Американские бизнесмены болтали даже слов «Советский Союз». Ведь мы, с их точки зрения, угрожаем всему их строю. А в спектакле ничего такого не выражается». «Это надо смотреть как веселый спектакль». Но в то же время надо думать...»

Даже на веселых представлениях они хотят думать, наши подростки, думать о серьезном, о том, что волнует сегодня всех нас. Вслушайтесь в строчки из анкет семиклассников одной минской школы: «Я хочу стать социально-активным человеком», «Откуда в ребятах жестокость, готовность обидеть слабого?», «Хотел бы я встретить того мальчишку, который издевался над больной некрасивой девчонкой. Я бы, извините за выражение, дал бы ему...», «Мне нравится политический театр!», «Нужно показывать побольше жизненных ситуаций. Чтобы все было правдой!».

Вот таким непростым вопросам и проблемам живут нынешние подростки. Эти вопросы они обращают и к нам, взрослым, а значит и искусству, которое по сути своей должно отвечать на духовный поиск. А ТЮЗ предлагает ребятам шлягеры, аэробику, полузэстрадное представление. Оно их развлекает, но пищи для ума не дает, а значит, и не отвечает на вопросы, которые их волнуют.

«Какие спектакли вы хотели бы увидеть на сцене ТЮЗа?» — это вопрос на анкеты, предложенной юным зрителям самим театром. Вот их ответы: «О школьной жизни», «О сверстниках», «О любви», «О мужестве, чести и долге», «Откуда она, эта черствость?», «О вере в людей». Иными словами, о проблемах нравственных, остросовременных. Названы писатели, чьи произведения хотелось бы увидеть на сцене: Розов, Вампилов, Володин, Шукшин, Быков, Васильев, Астафьев, Распутин...

Как тут не вспомнить громкий успех, который несколько лет назад выпал на долю спектакля «С любимыми не расставайтесь» по пьесе А. Володина, поставленного на сцене ТЮЗа талантливым режиссером Н. Шейко. Билеты на этот спектакль надо было приобретать за полтора-два месяца вперед. Почти та же картина повторилась с инсценировкой повести В. Распутина «Последний срок», сыгранной молодыми актерами в небольшой комнате. Это был один из первых опытов в республике представления на малой сцене. Хотя спектакль тот не был лишен недостатков, но новизна решения, дух эксперимента, искренняя увлеченность передавались зрителю.

А теперь билеты в ТЮЗ «распространяют» в школах под давлением гороно. В самом театре ощущают нынешнее неблагополучие. Что-то свое снова предлагает молодежь. Там, например, родился на малой сцене спектакль «История любви Полосатого Кота и Сеньориты Ласточки» по произведению Жоржи Амаду, полный поэзии, искреннего увлечения, подготовленный вне плана группой актеров во главе с В. Филатовой. Жаль только, что его адрес — взрослые люди, а его аудитория — чуть больше пятидесяти человек.

Ищет более тесных контактов с подростками, старшеклассниками, их учителями и родителями режиссура и педагогическая часть театра (для них организованы клубы, семинары, факультативы). Наконец, в планах театра работа над современными остропроблемными пьесами и классикой (ее не было на этой сцене уже несколько лет). Но этим планам предстоит еще осуществиться, пьесам — стать спектаклями, в которых слово вызвало бы отклик у зрителя, проросло бы зернами мыслей и поступков.

А пока... Одно удовольствие бывать на утренних спектаклях ТЮЗа. Какое единение сцены и зала, какое увлечение зрителей и актеров! И как грустно ходить на вечерние спектакли, где это взаимопонимание возникает далеко не всегда.

Д. МАНАЕВА.

О некоторых проблемах ТЮЗа

Собственно, спектакль «Как закалялась сталь» (поставленный режиссером В. Рыжим изобретательно, со вкусом)— не для этой аудитории. Он — для юношества, для шестнадцати-, семнадцатилетних, для которых процесс самопознания, поиска смысла жизни, своего места в ней — первейшая духовная необходимость. Вот они поняли бы сценического Павку Корчагина. Но старшеклассники не ходят в ТЮЗ, о чем свидетельствуют и опросы, и анализ зрительской аудитории. Поэтому «Как закалялась сталь» смотрят подростки, не все понимая и принимая в нем.

Можно понять актера, который в частной беседе с горечью сказал: «Артисту ТЮЗа нужен не только талант, но и мужество, чтобы каждый вечер выходить перед нашим зрителем». Да, «ножницы между сценой и залом, непонимание друг друга существуют на многих вечерних спектаклях ТЮЗа. Конечно, это удручает труппу и руководство, заставляет искать, экспериментировать, чтобы добиться, наконец, диалога с «вечерним зрителем».